

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Капелька и Дойч

— Ну почему, — спросила она его, — почему ты так изменился? Что случилось?

— Ничего, — равнодушно сказал Дойч.

Он поедал картошку. Золотистые ломтики издавали нежный запах, он накалывал их вилкой по одному и отправлял в рот. Иногда он подхватывал лежащий на краю тарелки толстый темно-зеленый огурец и откусывал от него. Вид у него был сосредоточенный.

Она вдруг ощутила острый приступ ненависти. Она не могла понять, что изменилось с тех пор, как они расстались два с половиной года назад. Тогда было ясно, что они любят друг друга — так ей казалось, и ничто на свете не сможет это изменить. Вечная любовь — каждый день, каждый час, всегда, пока смерть не разлучит их. Один год в армии, шесть страшных месяцев, которые Дойч провел в дисциплинарном батальоне за что-то, о чем она до сих пор не знала, еще полгода в армии, и полгода неизвестно где, когда она в муках проживала каждый день, ожидая его возвращения. Никаких удовольствий, танцев и мальчиков. Долгие месяцы взаперти, когда она боялась даже на секунду подумать о том, что ее дорогой Витя, ее парень, мог расценить как измену.

В один прекрасный день Виктор вернулся. Потемневшее лицо и равнодушные глаза. Он тяжело спрыгнул с подножки вагона, держа в одной руке чемодан, а в другой — полупустую бутылку пива, поздоровался с отцом и кивнул ей — «привет, Светка», — словно выезжал на денек в командировку. От него остро пахло алкоголем. Совсем, совсем не так она представляла эту встречу в своих мечтах.

Была еще одна причина, из-за которой она чувствовала себя оскорбленной. Два с половиной года назад он лишил ее девственности. Это произошло на его проводах. Вечером, когда гости разошлись, он долго рассказывал ей, как он ее любит, они целовались, она плакала от горя расставания, а потом он повалил ее на кровать, сдернул колготы и трусы, и взял ее грубо и больно. Это воспоминание поистерлось в памяти, и уже через год ей казалось, что это в сущности был нежный и возвышенный акт, словно и не было багровых капель крови на простыне, ее задыхнувшегося крика, и невыносимой боли, когда его твердый, как камень, огромный — о чем она никогда не подозревала — член порвал плеву и несколько страшных минут терзал ее внутренности.

— Витя, родной, — сказала она ему на вокзале, плача от распирающих ее чувств. И что-то оборвалось у нее в груди, когда она почувствовала его тяжелый взгляд.

— Меня зовут Дойч, — услышала она. — Понятно? — И он отвернулся, продолжая начатый разговор с отцом.

Они жили в разных концах поселка, на разных улицах. Она поплелась за ним и его родителями до их дома, и до позднего вечера просидела на застолье в честь возвращения. Виктор много пил, но не пьянел, насколько она могла судить. За все это время они не обменялись и парой слов. Вечером все стали расходиться, Виктор куда-то исчез, как потом оказалось, ушел спать. Он даже не попрощался с ней тогда. Это напоминало кошмар. Она побрела домой, и полночи проплакала, уткнувшись в подушку. А утром, как магнитом, ее снова потянуло к нему.

— Что-то должно было случиться, — тоскливо сказала она. — Что?

— Ты не могла бы заткнуться? — возразил он, жуя.

И она заткнулась, задыхаясь от возмущения. Что-то мешало ей выбежать, хлопнув дверью. Перед ней сидел странно изменившийся, но родной и любимый человек.

Он доел картошку, и принялся вылизывать оставшийся жир коркой хлеба. Дрожа, она наблюдала за ним. На лбу Виктора появились морщины — их раньше не было. Глаза глубоко запали, кожа лица потемнела, на подбородке оказался маленький розовый шрам.

Он мягко отрыгнул, и отодвинул тарелку в сторону. — Ну, так что тебе нужно?

— Витя, — начала она, а он перебил ее:

— Я же сказал тебе, как меня называть.

— Дойч... — неуверенно проговорила она. — Так странно... Откуда это имя?

— Так меня называют мои друзья. Ясно?

Она нервно кивнула, хотя понятней ей не стало.

— Ты так долго не возвращался. Вик... — она запнулась. — Дойч. Я волновалась. Ты не писал так долго, — она не выдержала, и глаза ее наполнились влагой. Она помнила, что он перестал писать почти сразу после начала службы. Все новости о нем она узнавала от его родителей, и до сих пор не могла понять и простить эту бесчувственность.

— Мне было насрать, — ровным голосом сказал Дойч. Его взгляд был направлен на нее, стеклянный, немигающий взгляд. В кухоньке, где они находились, было очень тепло, но она вдруг почувствовала, как ледяной холод забирается ей под платье.

— Почему? — тупо спросила она.

— Потому что ты дура, тупорылая.

Она сидела, как оглушенная.

— Что ты такое говоришь, — с ужасом проговорила она. — Ты шутишь...

— Какого... мне шутить, — Дойч поднялся. — Гляди сама. До двадцати лет просидела задницу в этой сраной деревне. Всю жизнь просидишь, ожиреешь, как свинья, и дети твои будут такие же. Свиньи тупорылые. — В его глазах поблескивал странный огонек веселья.

Ей показалось, что мир сошел с ума. Она зарыдала громко, безудержно, закрываясь руками. Потекла тушь, окрашивая пальцы. — Сволочь, — сквозь слезы говорила она, — какая же ты сволочь.

— Не реви, дура, — спокойно сказал Дойч.

— Ты, ты... — задыхаясь, прокричала она, — ты не сможешь жить с этим дальше! Не сможешь...

— Чего? — равнодушно сказал он.

Она в последний раз всхлипнула, неловко поднялась, и бросилась к выходу. Вслед ей донеслось:

— В натуре, тупорылая...

Прибежав домой, она закрылась в своей комнате, и принялась искать снотворное. Она вывалила коробку с лекарствами на пол, отобрала два блестящих листика, выдавила капсулы на ладонь, и стала глотать по одной. Во рту было сухо, таблетки приклеивались к языку, она помогала себе пальцем, давилась ими, пока ее не замутило. В ушах стоял звон.

Она упала на кровать лицом вниз, вцепилась зубами в подушку и стала ждать смерти, твердо решив уехать отсюда навсегда, если, конечно, не умрет.

Она уснула, не снимая одежды.

Был уже поздний вечер, когда раздался настойчивый стук в окно. Еще сонная, девушка приподнялась с кровати, включила ночник, и слабым голосом спросила:

— Кто там?

— Я, — послышался голос, который наполнил ее душу ужасом и гневом

— Пошел вон, — твердо ответила она. — Я не хочу с тобой разговаривать.

— Я тоже, — донеслось до нее. — Я по другому делу. Открой, это быстро.

На нее нашло затмение. Она чувствовала, что поступает как последняя дура, но какая-то сила вынесла ее в прихожую. Не включая свет, она отбросила крючок на входной двери, леденя от предчувствия.

Дверь распахнулась. На пороге стоял он. В темноте она не разглядела лица, но ей почему-то показалось, что он улыбается.

— Заходи, — тоскливо сказала она.

Он прикрыл за собой дверь.

— Зачем ты пришел? — ее голос дрожал.

— Пошли к тебе, — сказал он.

Она пропустила его вперед.

При свете ночника она увидела его лицо, и сердце ее забилося. Он улыбался.

— Знаешь, подруга, — сказал он, — я тут немного подумал.

— Я не хочу с тобой разговаривать, — твердо проговорила она. — Ты настоящий скот. После всего, что у нас было...

— Фу-ты, ну-ты, — отозвался он, усмехаясь. — У меня был дурной настроение. Ты что, обиделась?

Она задохнулась от гнева.

— Убирайся. — Я же сказал, у меня разговор, — он повысил голос. — Слушай, ты с кем-нибудь была, пока меня не было?

— Что?? — почти закричала она.

— Значит, нет, — он кивнул головой, — хорошо, раз так. Перепихнемся?

Она потеряла дар речи.

Он поднялся, подошел к ней, и грубо взял ее за груди. Она попыталась вырваться, но он ее удержал.

— Только не вздумай кричать. Поняла? Я этого не люблю.

Она молчала, скованная ужасом.

— Тебя не убудет все равно. Какая разница, а?

Он поднял ей юбку, захватил пальцами резинку колготок, и резко дернул вниз. Она не сопротивлялась. Все ее тело словно онемело. Каждое его прикосновение приносило ей странное облегчение, словно избавляя ее от долгого, бесконечного наваждения.

Взявшись за резинку обеими руками, Дойч стянул их до лодыжек, и принялся поглаживать голые ноги.

— Хороша девочка, — пробормотал он. — Неужели никому не дала?

Она молча, словно со стороны, наблюдала за его действиями. Он расстегнул и снял с нее юбку, отлично разобравшись в крючках на боку, стянул трусы, и оставил ее стоять так, со спущенными колготками, с оголенным треугольником волос на лобке. Отошел в сторону, словно любуясь.

— А теперь — сама, — проговорил он.

Словно во сне, она сняла до конца колготки, и стянула через голову майку.

— Какие сиси, — медленно проговорил Дойч. — Иди сюда, подруга.

Совершенно голая, дрожа от страха и прохлады, она сделала два шага к нему. Одно быстрое движение его рук, и из его ширинки вынырнул длинный чуть изогнутый пенис, со вспухшей, лоснящейся головкой. Этот зверь ее напугал.

— Я не буду.

— В рот возьми, корова, — сквозь зубы сказал Дойч.

И вдруг, как молния, схватил ее за волосы и притянул вниз. Она не успела и пикнуть, как оказалась на коленях и ее рот заполнило чужеродное тело — скользкое, соленое, пульсирующее. Она в страхе попыталась отстраниться, выплюнуть эту гадость, но острая боль в корнях волос не позволила ей шевелиться.

— Соси, — приказал ее любимый. — Давай, чмок-чмок.

И она принялась сосать толстую пованивающую сливу. Он не предпринимал попыток всунуть член глубоко, поэтому она довольно быстро свыклась с новыми ощущениями, и с новым вкусом во рту. Когда ему надоело, он поднял ее с колен и больно сжал ягодицы.

— Мягонькие, жирненькие, — прокомментировал он, чуть приподнял ее над полом, и опустил себе на колени. Она со страхом чувствовала, что толстая вонючая слива ползет по внутренней стороне бедра, тычется в промежность, выискивая место, куда бы воткнуться. Он крепко ухватил ее за плечи, и резко надавил вниз — нечеловеческая боль пронзила ее насквозь, так что она на мгновение потеряла сознание. Потом началось движение — ее перемещали вверх и вниз; боль притупилась, и она начала приходить в себя. Перед ее глазами было его лицо, покрасневшее от натуги. Приоткрытый рот, откуда исходил неприятный запах. Она дрожала в его руках, пока он мерно насаживал ее на свой член. Толстый ствол проникал очень глубоко, и иногда утыкался в какой-то ее внутренний орган, и от этих толчков ее охватывала сладкая судорога, смешанная с ноющей болью.

Дойч тяжело дышал, и она начала ощущать непонятный восторг, вдыхая запах его рта. Голая грудь терлась о его рубашку, задевая сосками о пуговицы, и это тоже было приятно. Его толчки начали учащаться, она сдавленно захрипела от необычных ощущений. Сладкая волна прокатилась по позвоночнику и разбилась внизу живота, обжигая ее внутренности нервной сладкой болью, и почти одновременно она почувствовала, как бешено запульсировал его член.

— А-а-а... вот так... — незнакомым голосом сказал Дойч, и с невероятной силой очень больно сжал ей груди, так что она не удержалась и вскрикнула.

— Молчи, — шепнул он ей.

Он остался внутри ее, и она чувствовала мочроту внутри себя, и как съезживается внутри его член. Ее охватила истома, и она опустила голову на его плечо. Ей вдруг захотелось, несмотря на всю эту мерзость, назвать его любимым и тихо поплакать у него на груди.

— Капелька, — услышала она.

Его губы были у ее уха. Его язык ласкал мочку ее уха, и это было так невероятно и странно, что она от неожиданности дернулась.

— Что... что ты делаешь?

— Я тебя зову, — отозвался он. — Ты помнишь, почему я тебя так называл?

— Это из сказки про Незнайку... — прошептала она, — там была девочка, которая всегда плакала, и ее прозвали Капелькой...

— Точно. Я думал, что ты не помнишь.

Она обняла его обеими руками, еще не веря, не понимая, что происходит.

— Ты вернулся?

— Да, — проговорил он, — я вернулся.

— Навсегда?

— Навсегда.

И тут она снова заревела — в тысячный раз, но это были сладкие слезы. — Милый, — бормотала она сквозь слезы, — милый Витя, ты вернулся, любимый... Зачем ты так шутил, ведь я же люблю тебя, ты знаешь...

— Извини, Капелька, — прошептал он. — Когда-нибудь я расскажу тебе об этом, а пока... — и он закрыл ей рот поцелуем.

Они заснули, обнявшись, а на рассвете он ушел, поцеловав ее, сонную, в теплые губы. Весь следующий день она была в необычной бодрости. Произошедшее ночью влило в нее силы, о которых она раньше не подозревала. Она испекла пирог, подшила новую юбку, проделала уйму работы по дому, с нетерпением ожидая его прихода. Но Виктор так и не появился днем, и поэтому вечером, захватив половинку пирога, она направилась к нему сама.

Дверь открыл сам Виктор.

— Это ты, — сказал он. — Проходи.

Ей показалось что-то странное в его голосе, но она была так возбуждена, что поначалу ничего не заметила. Попросив его поставить чай, она прошла в гостиную, выложила пирог на стол, и крикнула ему:

— Витя, принеси тарелку для пирога!

Он не отозвался. Она нашла его на кухне — он сидел на стуле, повернувшись к ней спиной, глядя в окно. Было тихо, только жужжала муха, остервенело кружа над сахарницей.

— Витя, — упавшим голосом сказала она.

Он медленно развернулся, и она встретила его взгляд. неподвижные, стеклянные глаза смотрели сквозь нее. Ровным голосом он сказал:

— Я же говорил тебе, манда. Меня зовут Дойч.

И тут она закричала.